

ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА АРАБСКОГО РЭПА КАК ФОРМА МЕМОРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2023 М.В. Кирчанов

КИРЧАНОВ Максим Валерьевич, доктор исторических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран Факультета международных отношений, доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения Исторического факультета, Воронежский государственный университет, Российская Федерация, Воронеж, Университетская площадь, 1, e-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

***Аннотация.** Целью статьи является анализ современной арабской рэп-культуры в политике памяти. Автор анализирует тактики и стратегии воображения и изобретения прошлого, его идеологически и политически мотивированные реинтерпретации в дискурсе арабского рэпа. Новизна исследования заключается в анализе арабского рэпа как одной из форм политики памяти, так как большинство академических штудий мемориальной культуры ограничены анализом визуализации и актуализации прошлого в националистическом и политическом воображении, что ведет к игнорированию художественных текстов современной массовой культуры и общества потребления как проявлений мнемонического пространства. В статье анализируются вклад арабского рэпа в формирование и развитие современной мемориальной культуры в контекстах исторической памяти арабских стран Ближнего Востока и Северной Африки. В статье также проанализирован широкий круг проблем, представленных в арабском рэп-дискурсе, которые, фрагментируя арабские общества, актуализировали и визуализировали различные версии мемориальной культуры. Предполагается, что рэп как форма массовой культуры может существенно влиять на политику памяти как одно из пространств актуализации и визуализации различных мемориальных канонов, связанных с поколенческими и политическими предпочтениями арабских обществ в контекстах трансформации коллективной исторической памяти.*

***Ключевые слова:** арабский рэп, политический протест, историческая политика, политика памяти, мемориальная культура, историческое воображение*

DOI: 10.31132/2412-5717-2023-65-4-131-143

ВВЕДЕНИЕ

Современные общества развиваются в условиях растущего интереса к мемориальным измерениям политики, связанным с памятью, ее трансформацией и представленностью прошлого в публичных и общественных пространствах. В актуальной историографии, возникшей в результате мемориального поворота, активно используются дефиниции «историческая политика» и «политика памяти». Несмотря на значительную содержательную близость этих явлений, основанных на идеологически мотивированном использовании прошлого и массовых представлений об истории, между ними существуют некоторые отличия.

Уникальные модели исторической политики и политики памяти сложились в современных арабских странах. Политические элиты стремятся манипулировать прошлым в рамках проводимой ими политики с целью укрепления собственной легитимности. Гражданские общества склонны культивировать свои альтернативные мемориальные культуры, основанные на ревизии официальных канонов исторического воображения и продвижения контрпамятей. Одним из уникальных пространств политики памяти в современном арабском мире является рэп-культура. С формальной точки зрения рэп представляет один из элементов массовой культуры. Фактически рэп в странах Ближнего Востока и Северной Африки стал формой не только музыкальной, но и политической культуры, так как актуализирует не только вопросы власти, религии, равенства полов и роли уммы, но и восприятия прошлого и, как следствие, различные версии коллективной исторической памяти в современных арабских странах.

ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ

В центре авторского внимания в представленной статье – феномен арабского рэпа. Целью статьи является анализ роли рэп-культуры в современной политике памяти арабского мира. В число задач автора входит 1) анализ политических, культурных и социальных компонентов в современной арабской рэп-поэзии как центральных элементов мемориальной культуры и канона памяти, 2) изучение взаимозависимости политического и религиозного воображения в рэп-дискурсе как факторе развития канона коллективной памяти, 3) выяснение потенциала влияния рэп-дискурса, потребляемого в современных арабских странах представителями молодого поколения, на ревизию сложившихся мемориальных культур и формирование новых культур памяти.

АКТУАЛЬНОСТЬ

Несколько факторов придают актуальность изучению арабской рэп-культуры в рамках анализа национальных форм политики памяти. Во-первых, арабские страны вовлечены в культурную глобализацию, что стимулирует развитие в контекстах местных обществ культурных практик, привнесенных извне, включая рэп-культуру. Во-вторых, для арабского мира характерны определенные демографические диспропорции, что превращает молодежь, основного носителя и потребителя рэп-культуры, в важный политический фактор. В-третьих, традиционные формы культуры (литература, кинематограф) и памяти (школьное историческое образование, продвижение прошлого в публичных пространствах) в современных условиях оказываются в состоянии кризиса, так как не могут эффективно адаптироваться к массовой культуре и реагировать на культурные запросы общества потребления, что автоматически увеличивает значимость «новых» акторов, включая национальные версии рэпа. В-четвертых, массовая культура, представленная в том числе и рэпом, активно ассимилирует коллективные представления о прошлом, превращая их в предмет собственных рефлексий, что ведет к конкуренции с традиционными формами политики памяти. В-пятых, именно современные пространства общества потребления, представленные рэпом и связанными с ним культурными практиками, сыграли важную роль в политических трансформациях, известных как «арабская весна», что привело не только к изменениям на политическом уровне, но трансформировало раннее авторитарные культуры памяти в направлении их большей открытости. Все эти факторы в комплексе указывают как на актуальность, так и необходимость анализа роли рэпа в развитии современных культур памяти и мемориальных канонов в арабском мире.

АРАБСКИЙ РЭП-ДИСКУРС КАК ПРОСТРАНСТВО (ВОС)ПРОИЗВОДСТВА ПАМЯТИ И ИДЕНТИЧНОСТИ

Актуальная поэтика арабского рэпа тесным образом связана с политикой. С одной стороны, рэп-дискурс актуализирует в общественных и публичных пространствах различные аспекты идеологически мотивированного восприятия мира [1], так как его поэтика генетически восходит к более ранним литературным традициям. С другой, принимая во внимание особенности политического развития Северной Африки и Ближнего Востока, рэп-культура как форма мемориальности склонна актуализировать радикальный ревизионизм [2], направленный как на пересмотр политических режимов, так и коллективной памяти о них. В современной арабской рэп-культуре актуализируются основные проблемы исторической памяти Северной Африки и Ближнего Востока. Историческая память, как полагает российский специалист в области философии культуры А.И. Макаров, представляет собой «многоуровневую информационную систему, в структуру которой входит не только феномен индивидуальной памяти, но и структуры надындивидуальной памяти» [3], среди которых в современном мире особое место могут занимать мемориальные субкультуры, представленные, в том числе, рэпом [4].

Особое место арабские рэп-исполнители уделяют коллективному опыту авторитаризма, который, по их мнению, на протяжении нескольких десятилетий определял основные векторы и направления развития идентичности. Поэтому констатируется ситуация множественности мемориальной культуры и отсутствия единого канона памяти, что позволяет констатировать состояние кризиса идентичности. В такой ситуации герой коллективного мета-текста, который формирует арабский рэп-дискурс, вынужден «в наше коварное время гореть как огонь, так как не может выбрать между добром и злом» [5], что фактически актуализирует сложности выбора путей развития арабского мира между западной моделью, местным национализмом и исламистской альтернативой. В такой ситуации арабский рэп группы *Sons of Rage* визуализирует образ памяти, пребывающей в состоянии кризиса «бездомности,.. бунтов,.. войны,.. революции,.. нищеты, голода, возвращение из диаспоры и исчезающих воспоминаний» [6], что актуализирует угрозу утраты исторической памяти.

Предпосылки такого разрушения мемориальной культуры в дискурсе арабского рэпа связываются со склонностью к традиции, вынуждающей представителей рэп-культуры из группы *Sons of Rage*, «казаться старым независимо от того, сколько тебе лет» [7]. В этом контексте арабская рэп-поэзия, сфокусированная на критике социальных и политических проблем Ближнего Востока и Северной Африки [8] и, как следствие, вовлеченная в поиск новой модели развития представлений о прошлом, актуализирует необходимость обновления мемориальной культуры, ее ревизии и формирования нового канона коллективной исторической памяти. Современный рэп-дискурс, представленный выше упомянутым коллективом, актуализирует ситуацию, при которой «твоим самым большим врагом была стена» [5], что указывает на стремление носителей рэп-культуры демонтировать те барьеры традиционализма, которые, по их мнению, замедляют темпы развития арабских стран.

В таком культурном контексте логика развития арабской рэп-поэзии вполне соотносится с допущением немецкого философа Т. Адорно, полагавшего, что «от прошлого хотят избавиться: это справедливо, потому что в его тени жить невозможно» [9, с. 91]. Поэтому, некоторые авторы декларируют невозможность синтезировать арабское наследие и ислам с западной культурой исторической памяти, так как «патриотизм нам не на пользу, как и родительская любовь» в условиях, когда универсальным ориентиром для формирования отношения к прошлому и современности становится «культура ве-

ры» [10]. Подобная культура памяти сконцентрирована преимущественно на рефлексии относительно современной истории и недавнего прошлого, воспринимаемого в религиозно-центричной системе координат, основанной на принципе «одна жизнь – один Господь», что существенно ограничивает возможности рэп-поэзии в формировании и продвижении альтернативной культуры коллективной памяти. Если таковая и возникает, что она сосредоточена на феномене «арабской весны» и протестов против авторитарного режима, направленного в текстах *ft. Jihane* не только на получение прав и свобод, но и на обретение собственной истории, основанной на идее виктимизации «тех борцов, кто погиб до нас» [12].

Тем не менее, рэп-дискурс направлен именно на пересмотр подобной иерархически выстроенной культуры, будучи попыткой визуализации женщины как актора арабской истории, которая достойна другого места в исторической памяти. В такой ситуации альтернативный проект памяти, предлагаемый в рамках арабской рэп-культуры, актуализировал протестный потенциал тех поколенческих групп [13], которые к 2010-м гг. оказались отстранены от процесса принятия решений и, тем самым, маргинализированы.

Поэтому в марокканской версии рэп-культуры, представленной исполнителем, известным под именем *Soultana*, «марокканка, одна из миллиона» является не пассивным объектом чужой, как правило – мужской, памяти, но сама выстраивает свое представление о прошлом, которая «говорит своим женским голосом. Голосом девушки, которая потеряна в моей стране. Голосом тех, кто хочет говорить, кто хочет сказать от имени всех женщин, которые хотят, чтобы их голос был свободен» [14]. В такой ситуации объектом мемориальной рефлексии группы *Sons of Rage* остается араб, фигурирующий как заложник современности, который «вечером идет домой, покупает фасоль, яйца, йогурт и вино. Обыденный ужин в Египте, конечно, всем известен» [15].

Поэтому одним из общих мест арабского рэп-дискурса, к которому принадлежат *Sons of Rage*, стало отрицательное отношение к прошлому, которое институционализировало такую зависимость, ассоциируясь с тяжестью негативного исторического опыта, так как арабы «на своих плечах несли заботы мира, будучи рабами» [16]. Египетский рэп-дискурс воспринимает отказ от истории как прошлого, отягощенного авторитаризмом. В такой версии восприятия новейшей истории Хосни Мубарак в текстах *Deeb u Edd Abbas* в одинаковой степени ассоциируется с наследием фараонов и Гитлером [17].

Коллективная память может быть подчинена решению политических задач, связанных с легитимацией изменения режима. Более радикально эта точка зрения представлена в ливийской рэп-культуре, например, в текстах авторов известных как *Ibn Thabit* и *Junior*, для которых история Ливии редуцируется до истории мученичества, а современные ливийцы воспринимаются как «потомки мучеников» [18]. Негативизм относительно истории связан с тем, что именно прошлое воспринимается как время установления коррумпированных и авторитарных режимов, в которых некоторые группы современного арабского общества не могут найти свое место в сложившейся системе.

В этой ситуации негативное отношение к истории как истории несправедливости подчинено решению политических задач, на что указывают, например, алжирские рэп-исполнители: «современная молодежь не ненавидит свою страну. Они ненавидят тех людей, которые только набивают свои карманы, те, кто получил это благодаря связям и хитрым уловкам» [19]. В такой ситуации рэп-культура актуализирует политические проблемы, указывая на важность как «сопротивления социальному и политическому угнетению» [20], так и локализации этого опыта в коллективной памяти. Тунисские рэп-исполнители, например, *Psycho AM*, также указывают, что история разделила общество на различные группы, которые предлагают свои версии идентичности, основанные

на коллективной памяти. Если для одних Тунис и его прошлое – это «не страна призыва, не страна джихада, где алкоголь и нагота разрешены», то для других совершенно неясно, почему «призыв к Аллаху называется террористическим актом» [21].

Таким образом, современный рэп-дискурс Северной Африки и Ближнего Востока актуализирует ситуацию множественности существующих исторических памятей, линия разграничения между которыми имеет поколенческие характеристики [22]. Если в XIX в., по мнению британского социолога Э. Смита, «историки, наряду с филологами, самыми разными способами подготовили рациональные основания и хартии наций своей мечты» [23, с. 60], то в современном обществе потребления их место заняли деятели массовой культуры, в том числе и рэп-поэзии, которые периодически актуализируют политические проблемы, пересматривая и подвергая ревизии сложившиеся мемориальные каноны.

Одним из элементов такой культуры памяти в арабском рэп-дискурсе является восприятие наследия ислама. Например, тунисская рэп-культура, представителем которой является *Guito'n*, периодически актуализирует последнее, подчеркивая, что «на протяжении 13 веков мы, тунисцы, жили как мусульмане. Среди нас были и пьющие, и курящие, и благочестивые. Мы жили друг с другом. Мы совершили революцию друг с другом потому, что мы живем в нищете и, прежде всего, потому что народ угнетен. В 2011 году мы вышли мстить. Что касается тех, кто не восстал вместе с нами и сказал, что революция – это харам¹, то сами они тогда прятались, а теперь классифицируют нас как мусульман и неверных» [24].

Несколько иное прочтение ислам получает в попытках *Ibn Thabit*, как представителя ливийской рэп-культуры, переосмыслить наследие прошлого: «Ливия – это история рыцарей и мужчин. Вы видите их повсюду! Ливия – страна заучивающих Коран. Куда бы вы ни пошли, вы слышите призыв к молитве» [25]. В этом контексте рэп как пространство визуализации альтернативной идентичности стремится предложить и другое понимание прошлого, не отягощенное разделением истории на историю мусульман и немусульман, что фактически превращает ислам в один из системных элементов мемориальных культур Северной Африки и Ближнего Востока. С другой стороны, рэп-культура актуализирует состояние одновременного соразвития различных версий коллективной памяти, которые могут иметь и гендерные основания. Если в рамках авторитарных режимов, в том числе и в арабском мире, «коллективные памяти (например, фольклор, нарративы, публичные ритуалы, архитектура и пейзажи, образование и культура) были поставлены под контроль и управление» [26], то неподконтрольные культурные пространства, представленные, в том числе, рэп-дискурсом, неизбежно актуализировали альтернативные формы не только идентичности, но и исторической памяти, воспринимая последнюю инструменталистски в контекстах легитимации институциональных изменений.

Современная политическая поэтика активно использует ресурс гендера [27], так как применяя соответствующий язык может быть описана не только историческая коллективная память, но и актуальная идентичность, отягощенная противоречиями между полами, основанными на наследии угнетения. Поэтому, в одном из современных марокканских рэп-текстов линии разделения между мемориальными культурами пролегают в плоскости отношений мужчины и женщины: «она продает свое тело, потому что ты покупатель, а когда она проходит мимо, ты ведешь себя как мусульманин» [28]. Подобно тому, как по мнению ирландского политолога Дж. Коакли, «современные политические и идеологические сражения могут быть выиграны благодаря подчеркиванию опреде-

¹ Харам в шариате – это греховные деяния, запрещенные в исламе

ленных и замалчиванию других моментов истории» [29, с. 533], рэп-культура Северной Африки и Ближнего Востока фактически выполняла аналогичные задачи, мобилизуя те социальные и культурные группы, которые были готовы принимать и воспринимать альтернативные версии идентичности и памяти, представленные в форме рэп-дискурса.

В такой ситуации рэп-дискурс становится радикальной формой ревизии исторической памяти и коррекции коллективного опыта, позволяя «сжечь все свои воспоминания и уйти в пустоту», но вопрос коллективного героя группы *Sons of Rage* «Почему я сожалею о прошлом» [30] остается без ответа. С другой стороны, рэп-поэзия представляет собой попытку пересмотреть отношение ко времени и, как следствие, к истории. Именно поэтому, некоторыми авторами, например, *MC Swat*, подчеркивается, что необходимо «смотреть вперед и забыть боль» [5], которая ассоциируется именно с историческим наследием колониализма и национального авторитаризма. История воспринимается как легитимация борьбы, направленной «против системы, против несправедливости, против коррупции» [31].

Подобная коллективная терапия, связанная с изменением исторической памяти, по мнению некоторых представителей арабской рэп-культуры, в значительной степени затруднена в силу того, что общества Северной Африки и Ближнего Востока не могут выработать эффективную мемориальную культуру, разграничив наследие прошлого и вызовы современности, так как только начиная с 2010-х гг. пытаются выстроить свои собственные политические культуры [32] вне авторитарной модели. Поэтому некоторыми рэп-исполнителями, среди которых *Guito'n*, декларируется «джихад не в Тунисе, джихад в Палестине... история, держи их в цепях! В 21 веке они хотят побить людей камнями на площадях и отрубить им руки!» [24]. Таким образом, арабская рэп-культура актуализирует ситуацию развития коллективной исторической памяти в режиме незавершенного прошедшего времени. Комментируя подобные ситуации, белорусский исследователь А. Ластовски полагает, что «если прошлое воспринимается как нечто негативное, как тяжесть и отклонение от "нормального" пути, то перед элитами и обществом неизбежно встает задача прощания с наследием и преодоления негативного опыта, исправления собственной траектории развития» [33, с. 37].

В этот процесс могут быть вовлечены многочисленные государственные и общественные акторы, наиболее активными среди которых в Северной Африке и на Ближнем Востоке оказались представители субкультуры, представленной рэп-сообществом. Именно поэтому преодоление коллективной травмы прошлого стало общим местом в современном арабском рэп-дискурсе, представители которого, например, *Sons of Rage*, настаивают, что «плач, горький вкус боли жизни, страдания и трагедии слез» [6] стали универсалиями арабского исторического опыта в условиях ситуации, когда страны Ближнего Востока «подошли к концу времени» [10]. В этом контексте арабская рэп-поэзия, как одно из пространств исторической памяти, актуализирует свои способности деконструкции коллективных представлений о прошлом, что, как правило, «означает деконструкцию возможности коллективной идентификации с определенными историческими событиями в более широком горизонте идентичности» [34, с. 193], на смену которой приходят множественные идентичности и связанные с ними политические культуры памяти.

Одно из центральных мест в политической поэтике рэпа занимает идея конечности истории как обязательного условия для пересмотра исторической памяти и основанной на ней политической идентичности. В такой ситуации рэп-культура Северной Африки и Ближнего Востока в значительной степени основана на идее пересмотра традиционных поэтических форм [35], которые ранее могли использоваться для политической саморепрезентации, что привело к их вытеснению идеологически мотивированными

попытками ревизии исторической опыта через призму идей о справедливом и равном представительстве и демократии, воспринимаемых одновременно в качестве основ как политической, так и мемориальной культуры.

Завершение истории в дискурсе арабского рэпа конструируется в категориях конца старого политического порядка, что стало следствием тех трудностей, с которыми сталкиваются интеллектуалы региона, формируя свои коллективные представления о прошлом. Последние ими неизбежно переосмысливаются через призму конфронтации между прошлым, современностью и будущим [36], которые ассоциируются с традиционалистским авторитаризмом, реформами и демократией соответственно. Например, марокканские авторы, известные в рамках рэп-культуры как *Assad Edin* и *Mauro*, воспринимают прошлое инструменталистски, редуцируя его до истории социального и политического протеста, основанного на арабской солидарности: «Мы тиранизированный народ. Мы угнетенный народ. Те в Сирии, которые умирали тысячами, сказали: “Наши братья забыли нас!”. Жители Йемена после революции сказали: “Наши братья сожрали нас!”. Жители Арабской Республики Египет сказали: “Армия угнетала нас!”. Жители Ливии сказали: “Мы мученики Ливии, и мир увидел нас!” Родина очищается кровью мучеников» [37]. Подобное восприятие истории, в основе которого лежит поиск решения проблем современности, свидетельствует о том, что на Ближнем Востоке и в Северной Африке обращение к прошлому со стороны различных слоев общества является «результатом стремления к терапевтической коррекции настоящего путем пересмотра прошлого опыта и его трансформированного перехода к настоящему» [38, с. 418].

Такое же инструменталистское и практико-ориентированное восприятие прошлого характерно и для тунисского рэпа, в рамках которого история редуцируется до колониализма и сионизма и автоматической легитимации борьбы с ними. Поэтому призывы к борьбе с Западом сочетаются с идеями возвращения Иерусалима [39]. Вместе с тем, культура памяти, представленная в современной арабской рэп-поэзии, не в состоянии преодолеть ограничения национализма, что, например, проявляется в актуализации образа Чужака как ответственного за историческую катастрофу и коллективные травмы в мемориальной культуре Ближнего Востока. На статус такого Чужака претендуют евреи, что позволяет арабским рэп-исполнителям декларировать: «слезы евреев – самое гнусное, абсолютное зло» [30].

Кроме того, арабская модель рэп-наррации актуализирует кризис истории как завершение культурного и социального существования, когда «прошло время собирать разбросанные звезды» [7]. В такой ситуации герой арабского рэп-текста не в состоянии описать мир как «реальность или сон, так как ни то, ни другое ничего не значит», но понимает, что «все осталось в прошлом, понимая, что теперь это нормально» [40]. Такая наррация, основанная как на попытках примирения с прошлым, так и на актуализации коллективных исторических травм, в современной арабской рэп-лирике направлена на легитимацию решения задач по объединению арабов, так как «время, когда мы соберемся вместе, станет праздником» [7]. История и память о прошлом воспринимается как легитимация политических изменений «общества, которое более лживо чем индийский фильм» [7].

Подобная риторика, основанная на критике исторического коллективного опыта, преследует и практические задачи. История и память о прошлом в рэп-дискурсе фактически становятся формой легитимации необходимости изменений, направленных «по дозволению Аллаха на уничтожение цепей» [7] в преддверии конца света как завершения исторического времени, когда «будет лучше, если планета Земля исчезнет, будучи стертой из всех времен и пространств» [7]. В этом контексте арабский рэп актуализирует идеологически мотивированное понимание недавнего прошлого Ближнего Востока,

который столкнулся в внешней угрозой, определяемой в категориях «войны с террором – война с миром, войны против ислама, постоянной войны» [6], жертвами которой становится память и наследие арабского мира.

ВЫВОДЫ

Арабский рэп стал формой политики памяти, так как в начале XXI в. традиционные стратегии контроля прошлого оказались неэффективны в контекстах усиливающегося влияния политических и культурных альтернатив. Политические манипуляции прошлым правящими элитами фактически легитимировали идеологизацию истории со стороны других групп. Если политика арабских элит к началу нынешнего столетия привела к превращению истории в инструмент политических мобилизаций, то рэп-культура Ближнего Востока и Северной Африки только перенаправила политизацию в несколько ином, оппозиционном, направлении. Рэп, как форма массовой культуры, обеспечивал протестно мыслящие группы большим числом возможностей для конструирования образов прошлого.

Поэтому, предлагаемая ими версия контрпамяти одновременно актуализировала исторические, политические, социальные и гендерные противоречия, которые в официальном мемориальном каноне игнорировались или интерпретировались в идеологически выверенной системе координат. В такой ситуации рэп давал больше возможностей для конструирования образов прошлого не только путем рефлексии о коллективном историческом опыте арабов, но и через открытое политическое и идеологическое несогласие. Рэп, как форма мемориальной культуры, актуализировал свое вспомогательное значение в качестве инструмента легитимации перемен, а актуализация образов прошлого в арабском рэп-дискурсе играла прикладные задачи. Рэп-исполнители в культурных и политических контекстах Ближнего Востока и Северной Африки оказались теми, кто попытался предложить новые версии мемориальной культуры, хотя ревизия коллективной памяти воспринималась как необходимое условие для более широких политических изменений.

В современный канон мемориальной культуры, формируемый текстами арабского рэпа, интегрируются коллективные травмы памяти, протестный потенциал общества, требования секуляризации и гендерного равенства, переосмысливаясь через призму исторического опыта и различных версий памяти, которые сложились на уровне отдельных арабских государств. Рэп в такой культурной ситуации стал сферой политически санкционированных и идеологически мотивированных манипуляций с фактами арабского прошлого. В целом, современный рэп-дискурс в культурах памяти Северной Африки и Ближнего Востока актуализирует ситуацию сорезализации и софункционирования различных форм мемориальной культуры, множественность восприятия прошлого, свою связь с различными поколенческими субкультурами и их видением истории, отражая противоречия одновременного и параллельного сосуществования различных памятей.

ИСТОЧНИКИ

1. Bernstein C. *The Politics of Poetic Form: Poetry and Public Policy*. N.Y., Roof Books, 1986, 286 p.
2. Kumar A. *Poetics/Politics: Radical Aesthetics for the Classroom*. L., N.Y., Palgrave Macmillan, 1999, 288 p.
3. Макаров А.И. Историческая память: конструкция или реконструкция? *Историческая экспертиза*. 2014, № 1, с. 4–10.

4. *Global noise: Rap and hip hop outside the USA* (Ed. by T. Mitchell) Middletown, CT, Wesleyan University Press, 2002, 352 p.
5. Текст арабского рэпа (на араб. яз.) https://lyrics-words.co/kalimat_rab_eirbi/ (дата обращения 11.11.2022)
6. Сыновья гнева. (на араб. яз.) <https://www.sandid.info/2022/03/rap.html> (дата обращения 11.11.2022)
7. Текст рэп-песни (на араб. яз.) <https://www.sandid.info/2022/03/rap.html> (дата обращения 11.11.2022)
8. Lubin A. Fear of an Arab Planet’: The sounds and rhythms of Afro-Arab Internationalism. *Arab American Literature and Culture* (Ed. by A. Hornung, M. Kohl) Heidelberg, Universitätsverlag Winter, 2012, p. 243–263.
9. Adorno Th. The Meaning of Working Through the Past. Adorno Th. *Critical Models: Interventions and Catchwords*. N.Y., Columbia University Press, 2005, p. 89, 89–103.
10. Утрата (на араб. яз.) <https://www.sandid.info/2022/03/rap.html> (дата обращения - 11.11.2022)
11. Внемли мне (на араб. яз.) <https://sandid.info/2022/03/rap.html> (дата обращения 11.11.2022)
12. Благословение молчания (на араб. яз.) <http://revolutionaryarabraptheindex.blogspot.com/2011/12/17a9ed-haked-ft-jihane-baraka-men-skate.html> (дата обращения 11.11.2022)
13. DeGhett T.R. “Record! I Am Arab”: Paranoid Arab Boys, Global Ciphers, and Hip Hop Nationalism Get access Arrow. *The Hip Hop and Obama Reader* (ред. T.L. Gosa, E. Nielson), Oxford, Oxford Academic Press, 2015, p. 94–106. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199341801.003.0006
14. Султана, Женский голос (на араб. яз.) <http://revolutionaryarabraptheindex.blogspot.com/2012/02/soultana-sawt-nssa-voice-of-women.html> (дата обращения 11.11.2022)
15. Слова рэп-песни из Face book (на араб. яз.) <https://www.sandid.info/2022/03/rap.html> (дата обращения - 11.11.2022)
16. Среди проблем (на араб. яз.) <https://www.sandid.info/2022/03/rap.html> (дата обращения 11.11.2022)
17. Deeb ft. Вставайте, египтяне! (на араб. яз.) <http://revolutionaryarabraptheindex.blogspot.com/2014/05/deeb-ft-edd-abbas-stand-up-egyptian.html> (дата обращения 11.11.2022)
18. Ibn Thabit ft. Junior, Пусть Бог примет наших мучеников и пусть Бог поможет нашей стране (на араб. яз.) <http://revolutionaryarabraptheindex.blogspot.com/2011/08/ibn-thabit-ft-junior-martyrs.html> (дата обращения 11.11.2022)
19. Лутфи Канун, Правительство (на араб. яз.) <http://revolutionaryarabraptheindex.blogspot.com/2011/11/lotfi-double-kanon-7oukouma.html> (дата обращения 11.11.2022)
20. Drury M. Counterorienting the war on terror: Arab hip hop and diasporic resistance. *Journal of Pop Music Studies*. 2017, № 29. DOI: 10.1111/jpms.12210
21. Psycho AM. Продай страну (на араб. яз.) <http://revolutionaryarabraptheindex.blogspot.com/2014/05/psyco-m-bi3-lebled-sell-country.html> (дата обращения 11.11.2022)
22. Moussa M. Rap it up, share it up: Identity politics of youth “social” movement in Moroccan online rap music. *New Media and Society*. 2019, Vol. 21, № 5, p. 1043–1064. DOI: 10.1177/1461444818821356
23. Smith A.D. Nationalism and the Historians. *International Journal of Comparative Sociology*. 1992, Vol. 33, № 1–2, p. 58–80.
24. Гито'н. Да, экстремист (на араб. яз.) <http://revolutionaryarabraptheindex.blogspot.com/2014/03/guiton-ya-mitchaded.html> (дата обращения 11.11.2022)
25. Ибн Сабит. Ливия (на араб. яз.) <http://revolutionaryarabraptheindex.blogspot.com/2011/08/ibn-thabit-libya-is.html> (дата обращения 11.11.2022)
26. Outhwaite W., Ray L. Modernity. Memory and Postcommunism. *Social Theory and Postcommunism* (Ed. by W. Outhwaite, L. Ray). London, N.Y., Blackwell Publishing Ltd, 2005, p. 176–197.
27. *Rites of Return: Diaspora Poetics and the Politics of Memory* (Ed. by M. Hirsch, N.K. Miller). N.Y., Columbia University Press, 2011. 310 p.
28. Султана, Женский голос (на араб. яз.) <http://revolutionaryarabraptheindex.blogspot.com/2012/02/soultana-sawt-nssa-voice-of-women.html> (дата обращения 11.11.2022)

29. Coakley J. Mobilizing Past: nationalist images of history. *Nationalism and Ethnic Politics*. 2004, Vol. 10, № 4, p. 531–560.
30. Вы сожгли свой мир (на араб. яз.). <https://www.sandid.info/2022/03/rap.html> (дата обращения 11.11.2022)
31. MC Swat. Свобода слова (на араб. яз.). <http://revolutionaryarabraptheindex.blogspot.com/2011/12/mc-swat-freedom-of-expression-need-help.html> (дата обращения 11.11.2022)
32. Cantrall S. The Influence of rap in the Arab Spring. *Augsburg Honors Review*. 2013, Vol. 6, № 1, p. 21–32. https://idun.augsburg.edu/honors_review/vol6/iss1/12 (дата обращения 11.11.2022)
33. Ластовски А. Проработка коммунистического прошлого в Словакии: основные факторы и динамика (на белорус. языке). *Палітычная сфера (Политическая сфера)*. 2016, № 24 (1), с. 37–55.
34. Маркава А. Историческое сознание как предмет саморефлексии в чешской историографии (на белорусском языке). *Беларускі Гістарычны Агляд (Белорусское историческое обозрение)*. 2012, т. 19, №. 1–2(36–37), с. 179–212.
35. Panagia D. *The Poetics of Political Thinking*. Durham: Duke University Press, 2006, 192 p.
36. De Blasio E. Rap in the Arab World: Between Innovation and Tradition. *Mediterranean Contaminations: Middle East, North Africa, and Europe in Contact* (Ed. by G. Mion). Berlin, Boston. De Gruyter, 2020, p. 219–231. DOI: 10.1515/9783112209363-009
37. Assad Edin, Mauro, Revolution (на араб. яз.). <http://revolutionaryarabraptheindex.blogspot.com/2012/02/assad-edin-ft-mauro-revolution.html> (дата обращения 11.11.2022)
38. Крыстев Д. Канон и/или агон. Литературно-исторические (ре)конструкции (на болгарском языке). *Культура и критика*, т. 3. Конец модерности? съст. А. Вачева, Г. Чобанов. Варна, LiterNet, 2003, с. 416–449.
39. Гито'н, Генерал, Направление: Палестина (на араб. языке). <http://revolutionary-arabraptheindex.blogspot.com/2014/04/el-general-and-guiton-direction.html> (дата обращения 11.11.2022)
40. Текст песни Шадни Гамарни. <https://www.muhtwa.com/258500/aghani-aduhim-nabilsi/> (дата обращения 11.11.2022)

POLITICAL POETICS OF ARAB RAP AS A FORM OF MEMORIAL CULTURE

© 2023 Maksym Kyrchanoff

KYRCHANOFF Maksym W., Dr.Sc. (History), Associate Professor of the Department of Regional Studies and Economics of Foreign Countries, Faculty of International Relations, Associate Professor of the Department of History of Foreign Countries and Oriental Studies, Faculty of History, Voronezh State University (Voronezh, Russian Federation), e-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

Abstract. *The purpose of the article is to analyse modern Arab rap culture in the politics of memory. The author analyses the tactics and strategies of imagining and inventing the past, its ideologically and politically motivated reinterpretations in the discourse of Arabic rap. The novelty of the study lies in the analysis of Arabic rap as a form of memory politics, since most academic studies of memorial culture are limited to the analysis of the visualization and actualization of the past in the nationalist and political imagination, which leads to ignoring the texts of modern mass culture and consumer society as forms and dimensions of the mnemonic space. The article analyses the contribution of Arabic rap to the formation and development of modern memorial culture in contexts of the historical memory of the Arab countries of the Middle East and North Africa. The article also analyses a wide range of problems presented in the Arabic rap discourse. It is presumed that texts of the rap singers inspire the fragmentation of the Arab societies, actualising and visualising various versions of the memorial culture. It is assumed that rap as a form of mass culture can significantly influence the politics of memory as one of the spaces for the actualization and visualization of various memorial canons inspired by the generational differences in ideological and political preferences of Arab societies in contexts of the transformation of collective historical memory.*

Keywords: *Arabic rap, political protest, historical politics, politics of memory, memorial culture, historical imagination*

DOI: 10.31132/2412-5717-2023-65-4-131-143

REFERENCES

- Adorno Th. The Meaning of Working Through the Past. Adorno Th. *Critical Models: Inter-ventions and Catchwords*. Trans. H.W. Pickford. NY.: Columbia University Press, 2005, pp. 89–103.
- Among the problems. (In Arab.). <https://www.sandid.info/2022/03/rap.html> (accessed 11.11.2022)
- Arabic rap text. In Arab. https://lyrics-words.co/kalimat_rab_eirbi/ (accessed 11.11.2022)
- Assad Edin, Mauro, Revolution. (In Arab.). <http://revolutionaryarabraptheindex.blogspot.com/2012/02/assad-edin-ft-mauro-revolution.html> (accessed 11.11.2022)
- Bernstein C. *The Politics of Poetic Form: Poetry and Public Policy*. NY., Roof Books, 1986. 286 p.
- Blessing of Silence. (In Arab.). <http://revolutionaryarabraptheindex.blogspot.com/2011/12/17a9ed-haked-ft-jihane-baraka-men-skate.html> (accessed 11.11.2022)
- Cantrall S. The Influence of rap in the Arab Spring. *Augsburg Honors Review*. 2013. Vol. 6. No 1. P. 21–32. https://idun.augsburg.edu/honors_review/vol6/iss1/12 (accessed 11.11.2022)
- Coakley J. Mobilizing Past: nationalist images of history. *Nationalism and Ethnic Politics*. 2004. Vol. 10, № 4, pp. 531–560.
- De Blasio E. Rap in the Arab World: Between Innovation and Tradition. *Mediterranean Contaminations: Middle East, North Africa, and Europe in Contact*. Eds. G. Mion. Berlin – Boston, De Gruyter, 2020, pp. 219–231. DOI: 10.1515/9783112209363-009

- Deeb ft. Edd Abbas, Rise up, Egyptians! (In Arab.). <http://revolutionaryarabraptheindex.blogspot.com/2014/05/deeb-ft-edd-abbas-stand-up-egyptian.html> (accessed 11.11.2022)
- DeGhett T.R. “Record! I Am Arab”: Paranoid Arab Boys, Global Ciphers, and Hip Hop Nationalism Get access Arrow. *The Hip Hop and Obama Reader*. Eds. T.L. Gosa, E. Nielson. Oxford: Oxford Academic Press, 2015, pp. 94–106. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199341801.003.0006
- Drury M. Counterorienting the war on terror: Arab hip hop and diasporic resistance. *Journal of Pop Music Studies*. 2017. № 29. DOI: 10.1111/jpms. 12210
- Global noise: Rap and hip hop outside the USA*. Ed. T. Mitchell. Middletown, CT, Wesleyan University Press, 2002. 352 p.
- Guito'n, General, Destination: Palestine. (In Arab.). <http://revolutionaryarabraptheindex.blogspot.com/2014/04/el-general-and-guiton-direction.html> (accessed 11.11.2022)
- Guito'n, Yes, extremist. (In Arab.). <http://revolutionaryarabraptheindex.blogspot.com/2014/03/guiton-ya-mitchaded.html> (accessed 11.11.2022)
- Hear me. (In Arab.). <https://www.sandid.info/2022/03/rap.html> (accessed 11.11.2022)
- Ibn Thabit ft. Junior, May God accept our martyrs and may God help our country. (In Arab.). <http://revolutionaryarabraptheindex.blogspot.com/2011/08/ibn-thabit-ft-junior-martyrs.html> (accessed 11.11.2022)
- Ibn Thabit, Libya. (In Arab.). <http://revolutionaryarabraptheindex.blogspot.com/2011/08/ibn-thabit-libya-is.html> (accessed 11.11.2022)
- Krastev D. Canon and/or agon. Literary-historical (re)constructions. *Culture and Criticism. Vol. 3. The end of modernity?* (In Bulgarian). Eds. A. Vacheva, G. Chobanov. Varna: LiterNet, 2003, pp. 416–449. (in Bulgarian)
- Kumar A. *Poetics, Politics: Radical Aesthetics for the Classroom*. L., N.Y., Palgrave Macmillan, 1999. 288 p.
- Lastoŭski A. Prapracouka kamunistychnaha minulaha ŭ Slavakii: asnoŭnyja faktary i dynamika (Processing the Communist Past in Slovakia: Key Factors and Dynamics) (In Belarusian). *Palitychnaja sfera (Political Sphere)*. 2016. № 24 (1), pp. 37–55.
- Loss. (In Arab.). <https://www.sandid.info/2022/03/rap.html> (accessed 11.11.2022)
- Lubin A. Fear of an Arab Planet’: The sounds and rhythms of Afro-Arab Internationalism. *Arab American Literature and Culture*. Eds. A. Hornung, M. Kohl. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2012, pp. 243–263.
- Lutfi Qanun, Government. (In Arab.). <http://revolutionaryarabraptheindex.blogspot.com/2011/11/lotfi-double-kanon-7oukouma.html> (accessed 11.11.2022)
- Lyrics of Shadni Gamarni. (In Arab.). <https://www.muhtwa.com/258500/aghani-aduhim-nabilsi/>
- Makarov A.I. Historical memory: construction or reconstruction? *Historical expertise*. 2014. № 1, pp. 4–10.
- Markava A. Historychnaja sviadomasć jak pradmiet samarefleksii ŭ češskaj historyjahrafi (Historical consciousness as a subject of self-reflection in Czech historiography) (In Czech). *Bielaruskij Historyčny Ahliad (Belarusian Historical Review)*. 2012, vol. 19, № 1–2(36–37), pp. 179–212.
- MC Swat, Freedom of word. (In Arab.). <http://revolutionaryarabraptheindex.blogspot.com/2011/12/mc-swat-freedom-of-expression-need-help.html> (accessed 11.11.2022)
- Moussa M. Rap it up, share it up: Identity politics of youth “social” movement in Moroccan online rap music. *New Media and Society*. 2019. Vol. 21, № 5, pp. 1043–1064. DOI: 10.1177/1461444818821356
- Outhwaite W., Ray L. Modernity, Memory and Postcommunism. *Social Theory and Postcommunism*. Eds. W. Outhwaite, L. Ray. L. – NY.: Blackwell Publishing Ltd, 2005, pp. 176–197.
- Panagia D. *The Poetics of Political Thinking*. Durham: Duke University Press, 2006. 192 p.
- Psycho AM, Sell the country. (In Arab.). <http://revolutionaryarabraptheindex.blogspot.com/2014/05/psyco-m-bi3-lebled-sell-country.html> (accessed 11.11.2022)
- Rap song lyrics. (In Arab.). <https://www.sandid.info/2022/03/rap.html> (accessed 11.11.2022)
- Rites of Return: Diaspora Poetics and the Politics of Memory*. Eds. M. Hirsch, N.K. Miller. NY.: Columbia University Press, 2011. 310 p.
- Smith A.D. Nationalism and the Historians. *International Journal of Comparative Sociology*. 1992. Vol. 33, № 1–2, pp. 58–80.

- Sons of Wrath. (In Arab.). <https://www.sandid.info/2022/03/rap.html> (accessed 11.11.2022)
- Sultana, Female voice. (In Arab.). <http://revolutionaryarabraptheindex.blogspot.com/2012/02/sultana-sawt-nssa-voice-of-women.html> (accessed 11.11.2022)
- Words of a rap song from Facebook. (In Arab.). <https://www.sandid.info/2022/03/rap.html> (accessed 11.11.2022)
- You burned your world. (In Arab.). <https://www.sandid.info/2022/03/rap.html> (accessed 11.11.2022)